

Владимир Григорьевич Бабенко Екатерина Ильинична Шумкова Зоосказки

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24436238
Зоосказки: Прометей; Москва; 2017
ISBN 978-5-906879-57-8*

Аннотация

«Засветилась над летним лесом утренняя звезда Венера, проснулась Зорька. Вернее не Зорька, а Зорьки. Потому что Зорька не одна, их много.

Лишь только посветлел после короткой летней ночи восток, как из леса раздался голос совы. Она была не больше скворца, поэтому звали ее не сова, а Совка; а так как по вечерам она кричала на весь лес «Сплю-сплююю...», звали ее Совкой-Сплюшкой. Но у нее было и другое имя, которой Сплюшка очень гордилось. Это имя было Зорька, потому, что Сплюшка просыпалась на рассвете...»

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Почему и отчего	5
Зорька	6
Лужица	10
Между сушей и морем	15
Сколько ног лучше	21
Почему слон бесшумно ходит	30
Почему неоновые рыбки светятся	36
Почему рыба-шар может надуваться	41
Почему инфузория видна только в микроскоп	46
Почему у Галиотиса раковина в дырках	56
Почему акулы никогда не останавливаются	63
Почему листолаз такой яркий	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Владимир Григорьевич Бабенко Зоосказки

© В. Г. Бабенко, 2017

© Иллюстрации Е. И. Шумкова, 2017

© Издательство «Прометей», 2017

*** * ***

Почему и отчего

Зорька

Засветилась над летним лесом утренняя звезда Венера, проснулась Зорька. Вернее не Зорька, а Зорьки. Потому что Зорька не одна, их много.

Лишь только посветлел после короткой летней ночи восток, как из леса раздался голос совы. Она была не больше скворца, поэтому звали ее не сова, а Совка; а так как по вечерам она кричала на весь лес «Сплю-сплююю...», звали ее Совкой-Сплюшкой. Но у нее было и другое имя, которой Сплюшка очень гордилось. Это имя было Зорька, потому, что Сплюшка просыпалась на рассвете.

– Я уже не сплю! Не сплююю! – кричала в безмолвной утренней дубраве Сплюшка. Я самая первая проснулась! Я зарю встретила! Поэтому я – Зорька! Я уже не сплююю!

Рассвело, и с вершины высокого дерева раздалась звонкая, не умолкающая песня другой птички. Она пела и пела до тех пор, пока первые солнечные лучи не окрасил в красноватые тона и небо, и вершины деревьев, и ее саму. И только тогда можно было разглядеть, что вся птичка бурая, а вот

грудка у нее красновато-рыжая.

– Зорька – это я, это я Зорька! – пела на все лады птичка – Не Сплюшка, а я! И зовут меня все Зарянкой, потому что я пою на заре, и еще потому, что грудка у меня такого же цвета как заря!

Замолчала обиженная Сплюшка-Зорька, застеснялась своего невзрачного оперения, и, неслышно пролетев на своих мягких крыльях, скрылась в дупле.

А Зарянка все пела и пела до тех пор, пока солнечный диск не оторвался от горизонта и лес не наполнился многоголосьем других проснувшихся пичуг.

Проснулись не только птицы, но и прочие лесные обитатели. Над цветущими опушками, полянами загудели шмели и пчелы, заскользили стрекозы, запорхали бабочки.

Одна из бабочек села на цветок фиалки и прошептала:

– Настоящая Зорька – это я! С этим согласится любой, посмотрев на мои крылышки. Они белые, с оранжевым – как утренние облака, на которых упали первые солнечные лучи. А Зарянка – это просто рыжая выскочка! Таких рыжих зорь не бывает вовсе!

– Правильно, правильно, – откликнулась Фиалка. – Настоящая Зорька – это ты!

И обрадованная Зорька улетела.

А солнце поднималось все выше и выше. Закуковала кукушка. Под ее кукование трава Дрёма расправила свои тяжелые от утренней росы розовые цветки.

– Просыпайся, сестричка, просыпайся, – проговорила растущая рядом с Дрёмой другая трава с ярко-алыми цветками. – Слышала новость? Все вокруг вдруг Зорьками стали зваться. А про нас никто и не вспомнил. Но ведь настоящие Зорьки – это мы!

– Это оттого, сестрица, – отвечала Дрёма, – что они нам, гвоздикам, завидуют. Мне завидуют не только потому, что у меня такие красивые лепестки, но еще и оттого, что у меня столько имен: ведь я и Дрёма, и Горицвет кукушкин цвет, и Зорька!

– Всё так – сказала другая гвоздика, качнув своими алыми цветками, а сама подумала:

– А все-таки настоящая Зорька в лесу – это я. Пусть у Дрёмы, столько имен и цветки розовые, но именно меня ученые назвали Зорькой обыкновенной! А уж они-то знают, каков настоящий цвет утренней зари!

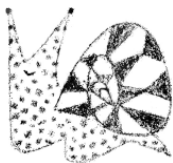
* * *

Прошел день. Солнце коснулось горизонта. Сложив свои бело-оранжевые крылышки опустилась на алый венчик гвоздики-Зорьки бабочка-Зорька, в вечерних сумерках в потемневшем лесу запела птица-Зарянка, а когда она смолкла, в последних лучах вечерней зари закричала Сплюшка-Зорька.

Она повторяла своё «Сплю-сплююю» до самого рассвета, когда с поля потянул легкий утренний ветерок.

– Как странно, – думал он, все спорят и спорят, кто из них настоящая зорька, как будто не знают, что Зорька – это я!

Лужица

Пришла весна. С полей уже сошел снег, а в лесу еще лежат сугробы. На опушках затрещали стаи дроздов. Запылил орешник, в чаще расцвело розовыми цветками ядовитое, но такое красивое волчье лыко, на пригорке зажглись цветки мать-и-мачехи. Тает снег, бегут ручьи и ручейки. В тех местах, где воде бежать некуда рождаются Лужицы.

Вот одна такая Лужица и родилась однажды весной в старой колее лесной дороги.

Пригревает. Тают сугробы, стекает с них вода, растет Лужица. Растет пока в одиночестве. Но недолго ее одиночество продолжалось.

Почувяв весну, из-под пней, из-под коряг выбрались на свет лягушки. Да не простые лягушки, а голубые. И поскорей – через сучья, через кочки, через прошлогоднюю пожухшую траву, через оставшиеся, лежащие в низинках языки просевшего снега поспешили к Лужице.

Хоть и студена вода в Лужице, а лягушкам она в самый раз – привыкли они в холодной весенней воде икру метать.

Сидят себе в Лужице, никому не мешают, тихонько курлычут, икру мечут. Вдруг откуда не возьмись – свист крыльев – и с плеском плюхается в Лужицу утка-чирок. Летел чирок над лесом, летел, увидел Лужицу и решил отдохнуть. Для нас с вами чирок – утка маленькая, а для лягушек – это преогромная птица. Испугались лягушки, икру в воде оставили, а сами в лес поскакали.

Поплавал Чирок в Лужице, икру лягушачью попробовал – не понравилась, отдохнул и полетел дальше.

Но что это? Плавает на поверхности крохотный изумрудный кружок – ряска. Принес ее на своем пере Чирок. Отдыхал он до этого на далеком озере, вот там ряска та к нему и прилепилась. А на лапках Чирка прилетели на Лужицу два рачка – да такие крохотные, что их в пору в микроскоп разглядывать. Одного рачка зовут Дафния, а имя другого – Циклоп. Обрадовались рачки Лужице, задержали ножками и ну по всей Лужице носится. И им весело и Лужице не скучно.

Так и живут. Наверху ряска плавает, в воде Циклоп и Дафния скачут (недаром их водяными блохами зовут), а у берега в каждой лягушачьей икринке растет-развивается головастик. Хорошо всем, просторно в Лужице.

Слух о новой Лужице разнесся по лесу, и заспешили к ней отовсюду другие квартиранты.

Первыми о Лужице узнали от своих лягушек их родственники – тритоны. Приползли тритоны к Лужице, увидели, что она действительно просторна. Понравилась тритонам Лужи-

ца, забрались они в воду и стали жить-поживать, да детишек-тритончиков воспитывать.

А к Лужице спешат-летят новые квартиранты. Сначала, громко жужжа, прилетел жук-плавунец и со всего размаху плюхнулся в Лужицу, сложил крылья и тут же под воду нырнул.

Вслед за ним прилетел водяной клоп, да такой ладный и гладкий, недаром его прозвали – Гладыш. Опустился Гладыш на воду, нырнул, перевернулся и принялся плавать у самой поверхности в надежде, не упадет ли сверху какая-нибудь пожива – мушка или гусеница.

И действительно упали, но не мушки и не гусеницы, а сразу два новых квартиранта.

Одного зовут Водомерка, другого – Вертячка, один клоп, другой жук. Сели они на воду. Увидал их Гладыш, погнался за ними. Да куда там!

Водомерка как кенгуру скачет, а вертячка такие зигзаги выписывает, не поймаешь! Попробовал, было, Гладыш их достать, утомился, замер у поверхности, и стал настоящих мушек да муравьев ждать, когда они с травинок да с веток свалятся ему на завтрак, обед или ужин. Да вот беда – оказывается что новоселы – Водомерка да Вертячка тоже их поджидают – так что расторопней надо быть, а то так и оголодать недолго.

Наступило лето. Живет Лужица своей жизнью, а квартиранты – своей: головастики водоросли едят, дафнии и цик-

лопы в воде прыгают. А за порядком старшие следят: головастики Жук-Плавунец гоняет, тритончики – водяных блох. Водомерка да вертячка по поверхности скользят-танцуют – ждут, когда манна небесная в виде мухи или комара с неба свалится.

На берегу Лужицы – свои гости.

Раз в неделю навевывался маленький Ужик – воды попить, да посмотреть, не превратились ли головастики в маленьких аппетитных лягушат.

Неугомонный трескучий Дрозд-Рябинник на берегу Лужицы деловито мягкую землю собирает. Все ведь знают, что дрозды не только из веточек, стебельков и корешков гнездо строят, но обязательно землю добавляют – для крепости. Построил дрозд гнездо, стал прилетать к Лужице реже, но все равно навещал – искупаться.

И Кулик-Черныш навевывался. Хоть считается он лесным жителем, и даже птенцов выводит на деревьях, но свои кулициные привычки не забывает. Не нашел Черныш в лесу болота, вот и прилетает он на берег Лужицы – и просто так погулять да какую-нибудь живность на берегу промыслить себе на обед.

Наведываются к Лужице и звери – то Еж ночью забредет и наследит на влажном берегу, то Мышь-Полевка пробежит, а по ее следу – юркая Ласка. Или Зайчик серенький прискачет, воды попить, а за ним и Лиса крадется.

Прошло сытое беззаботное лето. Ненастная осень на по-

рог подступает, а за ней и голодная суровая зима грядет.

И начали квартиранты Лужицы разбредаться кто куда.

Уже в августе выбрались из воды и запрыгали по лесу лягушата – бывшие головастики. Разлетелись в разные стороны жуки и клопы. Прилетела Утка-Чирок и унесла на своих перьях ряску, циклопов и дафний на лесное озеро.

Осталась Лужица совсем одна.

– Не нужна я никому, – с грустью думала она.

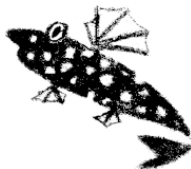
Но тут вышел из лесу огромный Кабан. Увидел одинокую Лужицу, обрадовался и боком в нее повалился. А все ведь знают, что свиньи ох как любят в луже поваляться!

Валялся кабан, млел, ворочался, глубокую яму вырыл, всю воду расплескал. Встал и пошел в лес – желуди собирать.

И не стало Лужицы.

Но не печальтесь! Придет весна, растает снег, наполнится кабанья яма водой и снова появится Лужица, станет больше прежней и вновь заселится квартирантами.

Между сушей и морем

Над морем взошла огромная луна. Она медленно двигалась в сторону суши, а за ней та же медленно поднималась одинокая волна, и море наступало на землю.

* * *

– Вода идет! Мы все погибнем, погибнем! – заскакали на берегу песчаные блохи. На самом деле это были вовсе не блохи, а маленькие горбатые рачки, которые к тому же никогда не кусали ни кошек, ни собак, ни людей, а питались выброшенными на берег водорослями. Но эти рачки были такие маленькими и так ловко прыгали по песку, что люди (которых они, как вы помните, никогда не кусали) называли их все-таки блохами.

– Спасайся, спасайся! – шумели блохи. – Вода придет, и рыбы нас всех съедят, съедят! Все в песок, в песок, – и блохи начали судорожно зарываться поглубже в песок.

– Вода, вода, идет большая вода, мы это чувствуем! – за-

волновались, забегали, засуетились, маленькие крабики на илистом берегу. – Беда, большая беда идет! Если мы под водой окажемся, то утонем, утонем! Вместе с водой приплывут из глубины моря большие рыбы и съедят нас! Беда, беда! Вода! Вода! Надо спастись!

И маленькие крабики перестали собирать мелких червячков в вязком иле, и каждый принялся рыть себе глубокую норку.

И вскоре на берегу уже не было ни одного крабика – все они попрятались в норки, заткнули входы илистыми пробками и затаились в изгибах своих пещерок.

– Крабики исчезли, – подумала рыбка Илистый Прыгун оглядывая отмель. – Все зарылись. Значит прилив идет. Надо и мне о себе позаботиться. Я же особенная рыба! Живу не в воде, а на суше, то есть, конечно, не на суше, а на влажном берегу. А скоро вместе с водой приплывут большие рыбы, которые могут меня съесть. Поэтому где-нибудь надо укрыться. Нору разве вырыть? Да вот беда, я рыть-то не умею. А куда никакая хищная рыба не доберется? Правильно, на дерево!

И решив так, Илистый Прыгун (ведь недаром он так зовется!) отталкиваясь хвостом и плавниками от земли, быстро-быстро поскакал к стволу ближайшего дерева и ловко вскарабкался на него.

– Ну вот, – с облегчением произнес Илистый Прыгун, – здесь можно и прилив переждать.

А тем временем прибывающая вода затопила берега.

– Что за неудобство, это прилив, – с досадой переговаривались между собой птицы: цапли, чайки, вороны и кулики. – Дважды в сутки мы должны улетать с удобных отмелей на крутые берега и ждать там, пока вода снова схлынет! Лучше бы вода никогда не приходила, нам было бы легче по сырому берегу ходить, улиток, ракушек да червяков из песка добывать.

– И то правда, – согласилась Лиса, – уж очень я рыбку люблю. Ее, родимую, только во время отлива в мелких лужах и можно поймать. А вода придет, и ее не добудешь!

* * *

– Вода идет! Большая вода! Какое счастье! Мы спасены! – слышалось отовсюду с затопляемых берегов.

– Ох, наконец-то вода, – произнесла улитка Морское Блюдечко – можно и прогуляться, и пообедать.

Улитка приподняла свою плоскую раковину, высунуло мордочку и принялась, медленно-медленно двигаясь по камню, слизывать своим шершавым язычком зеленоватый налет водорослей.

– Наконец-то прилив, кузина, – поздоровалась с ней ползущая по тому же камню другая улитка – Литорина. – Славная вода, славная погода. А каковы водоросли?

– Сегодня, как никогда хороши, присоединяйтесь – отве-

тило Морское Блюдечко и две улитки не торопясь двинулись по камню, слизывая водоросли, беседуя о том о сём, иногда останавливаясь у наиболее аппетитных кустиков.

А с другого камня, тоже покрытого водой, слышался веселый гам:

– Вода, вода – это жизнь! Вода – это вода! Вода это пища! – Раскрывайте створки! Пейте! Ешьте! Радуйтесь! Живите! – так шумели гроздя мидий, на которых накатывали волны, так шумели, вторя им, морские желуди, раскрывая дверцы своих крохотных домиков.

Мидии стали жадно глотать морскую воду, выбирая оттуда разную планктонную мелочь, а морские желуди, которые морскую воду глотать не умели, начали отчаянно дрыгать тоненькими ножками, ловя эту планктонную мелочь ими.

Вода поднялась выше, затопила морские растения. Те расправили свои веточки и выпустили наружу прячущихся там маленьких креветок, которые весело стали носиться у самого дна.

– Берегитесь, берегитесь креветки! Берегитесь малышки! – шептала из-под камня Морская звезда. – Прилив это не только вода, это еще и идущая с моря беда! Вон, смотрите, по песку ползет-крадется к вам камбала. Прилив и для нее радость – много маленьких глупеньких вкусных креветок!

– Спасибо, тебе тетушка Морская звезда, мы будем осторожны! – пропищали креветки и уплыли прочь.

* * *

– Вода уходит. До свидания! – сказало Морское Блюдечко Литорине – До следующей встречи! – и прочно приросло к камню.

– До свидания, кузина, – ответила Литорина, – очень приятная была прогулка. – И замерла рядом.

– Поели, теперь можно и поспать, – говорили друг другу Мидии и Морские Желуди, поочередно захлопывая створки своих раковин и дверцы своих домиков.

– Вода уходит! – верещали креветки, прячась в кустике водяного растения.

– Отлив идет, как бы меня лиса не съела на мелководе, – подумала голодная камбала и поплыла прочь от берега.

* * *

– Вода уходит, какое счастье – отлив, – говорили маленькие крабики, вылезая из своих норок.

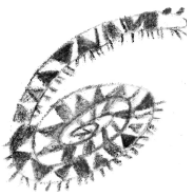
– Наконец-то отлив, – согласился Илистый Прыгун, спускаясь с дерева.

– Вода ушла! Ура, отлив! – заскакали по берегу Песчаные Блохи.

* * *

– Какие они все странные! Сколько суеты! – Подумал Каменный Краб. – Прилив, отлив – какая разница! Я вот все время держусь у самой кромки воды: прибывает вода, – я на камень забираюсь, уходит – я за ней следую. Прилив, отлив – да я их просто не замечаю!

Сколько ног лучше

Жила была виноградная Улитка. На самом деле виноградом она не питалась, а ела его листья, а если виноградных листьев не было, то она довольствовалась любыми. И у этой Улитки, как впрочем, и у всех ее родственников была всего одна нога. Так вот, однажды, рано утром, на лесной дороге Улитка, была сбита стремительно несшимся куда-то жуком скакуном. Жук не остановился и поскакал дальше, а Улитка от испуга втянулась в раковину и замерла.

– Если у меня была хотя бы еще одна нога, я бы успела отскочить, – с грустью подумала Улитка.

– Не ушиблись? – прервал ее размышления чей-то голос.

Улитка осторожно выглянула из своего домика. Рядом стояло длинное членистое существо с огромным числом ног. Улитка выпростала из домика голову и уставилась на незнакомца.

– Позвольте представиться, – сказал незнакомец. – Кивсяк. Многоножка. Профессор. Тема моего научного исследования «У кого, откуда, куда, какие ноги растут и сколько

их».

– Многоножка! – восхищенно воскликнула Улитка, не отрывая глаз от ног Кивсяка. – А я – Улитка, и у меня всего одна нога, – добавила она печально, и тут же спросила: – С таким числом ног вы, профессор, наверное, чемпион мира по бегу?

– Совсем нет, я двигаюсь очень неторопливо, – произнес Кивсяк, и в подтверждение своих слов медленно заскользил вокруг Улитки.

– Ой! – воскликнула Улитка. – У вас оказывается ног гораздо больше, чем кажется на первый взгляд! У меня даже в глазах двоится!

– Напрасно беспокоитесь, с глазами у вас все в порядке. Просто у меня на каждом членике тела с каждой стороны по две ножки. Поэтому нас, Кивсяков, ученые так и называют – Двупарноногими. Если не возражаете, мы можем продолжить обсуждать увлекательную тему ножек, не стоя на месте, а прогуливаясь, как это делали древние философы. А так как каждая прогулка должна иметь определенную цель, то я предлагаю направиться к ближайшему огороду. Здесь недалеко. Хозяйка этого огорода недавно высадила семена отменного салата сорта «Одесский кучерявец». У него только-только появились молодые листочки. Очень рекомендую. А по пути мы с вами как раз и обсудим все проблемы, связанные с конечностями. То есть с ногами. Согласны? Тогда в путь!

И они направились к огороду. Улитка с восхищением следила, как по многочисленным ножкам Кивсяка словно пробегали неторопливые волны и Кивсяк, не меняя положения тела, плавно скользил на них вперед. Его ход был столь неспешен, что Улитка без напряжения двигалась рядом с профессором.

– А у кого больше ног, у вас или у Сороконожки? – после недолгого молчания спросила Улитка.

– С научной точки зрения Сороконожек нет, – ответил Кивсяк.

– Как нет?

– Вот так. Нет и все. Есть животные, которых ученые называли Многоножками, а если говорить точнее – Дсятитысячеченожками. Вот к ним-то и относятся так называемые сороконожки, а так же сколопендры и ваш покорный слуга.

– И что, у вас десять тысяч ног?! – восхищенно воскликнула улитка.

– Да нет, конечно. Это зоологи преувеличили, нам польстили. На самом деле у нас, у Кивсяков всего двести ног, а других многоножек ног еще меньше.

– А у меня всего одна нога, – огорченно сказала Улитка. – Поэтому я так медленно передвигаюсь.

– Разве вы от меня отстаєте? От меня, у которого столько конечностей? – удивленно спросил Кивсяк.

– Нет, не отстаю, – повеселела Улитка, и тут же, приободрившись, спросила, – а у кого еще сколько ног? Вот у меня

– одна, у птиц – две, у ящериц, лягушек и мышей – четыре, шесть ног у жуков, клопов и бабочек, восемь – у пауков и сенокосцев. А еще?

Кивсяк откашлялся и заговорил хорошо поставленным голосом, будто приступил к чтению лекции:

– Вы очень наблюдательны. Я бы даже взял вас к себе в аспиранты. Диссертацию писать. Однако есть некоторые факты, которые вы в своих рассуждениях не упомянули. Вы правильно отметили пауков – они действительно восьминогие, но есть еще животные с восемью ногами, которые живут в морях и которые так и называются...

– Осьминоги! – догадалась Улитка.

– Совершенно верно, коллега, – похвалил ее Кивсяк. – Кстати, осьминоги – это моллюски, а значит – ваши родственники. А кроме того в тех же морях и океанах живут еще десятиногие. Это раки: омары, лангусты, креветки, крабы.

– А есть ли многоножки среди морских жителей?

– К таким «многоножкам», дорогая Улитка, условно можно отнести морских червей.

– Черви с ногами?

– Не с ногами, а с особыми выростами на теле. Так вот у морских червей, этих, как бы вам сказать, не совсем ног, бывает до нескольких сотен пар. Еще больше таких ног у морских звезд и морских ежей. Но самое главное, уважаемая Улитка, не в том, сколько ног у животного, а какие они и откуда они растут. Возьмем, например, вас.

– Меня?!

– Именно вас. Вы знаете, как еще улитки именуются?

– Не знаю...

– Ай, ай, ай! Свои имена знать надо. Ведь улиток зовут так же Брюхоногими!

– То есть у меня не только нога одна-единственная, да еще, к тому же она растет на брюхе?! – оторопела Улитка.

– О, ничего страшного, уверяю вас. А осьминоги, кальмары и каракатицы знаете, как называются?

– Как?

– Головоногими!

– Какой ужас! Ноги – на голове!

– А мои родственники – некоторые многоножки – те и вообще губоногие! И кстати, к ним еще принадлежат ядовитые сколопендры. В отличие от нас, кивсяков-вегетарианцев, они – свирепые хищники.

– И что у них действительно ноги на губах?

– Ноги превратились в губы. И именно этими ногами-губами они и хватают своих жертв.

– Чудеса! То есть очень странно и страшно.

– Это еще не чудеса. В морях живут хищные раки, у которых не только губы, но весь рот – это сплошные ноги. Они так и называются – ротоногие.

– Они что, ртом ходят?

– Нет, они им едят. Все челюсти у них возникли из ног. А любимая их еда – креветки.

– Как интересно! – оживилась Улитка. – Креветки – это десятиногие. Значит так: ротоногие едят десятиногих. Вот здорово!

– Здорово? Мне почему-то кажется, что креветки с вами не согласятся. Я даже в этом уверен.

– А еще у кого, где и какие ноги растут?

– На усах. То есть ноги превратились в усы.

– И получились усоногие! – обрадовалась Улитка.

– Верно, – согласился Кивсяк, – есть такие усоногие раки.

– Тоже хищники? Они, наверное, быстро ползают и своими длиннющими усами ловят несчастных рыбок!

– Нет. Они не ползают, а всю жизнь сидят в своем известковом домике и дрыгают тонкими ножками, которые похожи на усики.

– Зачем дрыгают?

– Они ими ловят разную микроскопическую живность, которая мимо них проплывает. Ею и питаются.

– Значит, ноги могут располагаться на голове, усах, губах и даже во рту! А еще?

– Есть такие рачки, которые называются жаброногими.

– У них ноги растут на жабрах, – догадалась Улитка.

– Скорее жабры растут на ногах. Поэтому они ногами не только ходят, но еще и дышат.

– Дышат ногами! Вот потеха!

– А еще в морях и океанах обитают плеченогие.

– Наверное, ужасные чудовища! Ведь на плечах должны

руки расти, а не ноги!

– Да нет, они совершенно безобидные существа, похожие, кстати, на ракушек: сидят на дне, и из воды пищу себе отцеживают.

– Если существуют животные, у которых ноги на плечах, значит, есть и с ногами на спине, – предположила Улитка.

– А вот таких как раз нет.

– Может быть, есть с ногами на животе? Ой, я, кажется, знаю, кто это, – произнесла Улитки грустно. – Это я. У меня одна-единственная нога. И к тому же она на животе. То есть на брюхе.

– Не расстраивайтесь! Все ваши брюхоногие родственники – самые многочисленные и самые распространенные среди всех моллюсков. А это значит, что нога на животе, хотя и единственная – очень практично и удобно, – успокоил ее Кивсяк.

– Все части тела вроде перечислили. Хотя нет, остался хвост. А ноги на хвосте бывают?

– Есть такие крохотные насекомые. Микроскопические. Они живут в почве и называются...

– Хвостоногими!

– Ну, допустим не хвостоногими, а ногохвостками. Вот у них-то ноги на хвосте.

– А зачем им ноги на хвосте?

Они с их помощью прыгают. Подогнут под себя эти ножки, похожие, кстати, на вилочку, потом резко распрямят, от-

толкнутся от земли и прыгнут!

– Ножки как вилочка! Очень интересно!

– Это еще что! Есть раки с ногами, которые по форме напоминают листья. Поэтому эти раки называются листоногими.

– Сколько раков с необычными ногами: и листоногие, и жаброногие, и уsonoгие, и ротоногие! Вон сколько набралось! – воскликнула Улитка.

– Да, удивительных животных среди них много. Вот еще к ним за компанию добавьте веслоногих раков.

– А среди моллюсков таких почти и нет. Вот только я – брюхоногая, да еще эти, головоногие.

– Сейчас подумаю, и может быть, вспомню кого-нибудь из моллюсков с необычными ногами. Ага, вот, вспомнил! Есть такие морские улитки, которые называются крылоногими.

– Они что, летают?

– Летают, но не в воздухе, а в воде.

– Как же им это удастся?

– У них единственная нога превратилась в два крылышка, и крылоногие, взмахивая ими, все время летают в море.

– Оказывается сколько в мире животных с самыми разными ногами!

– Вы забыли еще животных, у которых ног нет совсем. Их на нашей планете много, и все они прекрасно себя чувствуют. Некоторых из них ученые так и называли – безногие.

– Кто же это?

– Это такие странные существа, родственницы лягушек и тритонов. Они обитают в тропических странах. У них длинные тела и совсем нет ног.

– Как у дождевого червя?

– Совершенно верно. Поэтому они еще так и называются – червягами. Так что, не в количестве ног счастье. А вот и грядка с «Одесским кучерявцем», – сменил тему разговора Кивсяк. – Поторопимся, пока хозяйка спит. Кстати, у нее всего одна пара ног. Зато очень красивых!

Почему слон бесшумно ходит

Много-много лет тому назад вся Африка каждое утро дрожала, потому что каждым утром просыпался огромный Слон и начинал гулять по этому жаркому континенту.

От слоновового топота земля колыхалась, словно от землетрясения, в горах происходили обвалы, а в некоторых местах даже просыпались вулканы!

Просыпались не только вулканы, но и все живущие в Африке звери и птицы. Звери, которые рыли норы, укрепляли осыпающиеся потолки своих подземелий, а птицам приходилось вить такие прочные гнезда, которые не падали с раскачивающихся деревьев.

Все очень сердились на Слона, но больше всех на него сердился хозяин посудной лавки.

Как-то раз у Слона разбилась его любимая большая чашка, из которой он по утрам пил чай.

И Слон отправился в посудную лавку. Но лишь только он приблизился к ней, как все фарфоровые и фаянсовые чашки, чайники, блюда и тарелки, все плошки и миски, все кув-

шины и вазы от ужасного землетрясения, вызванного слоновьим топотом, все-все они упали с полок и разбились!

Хозяин посудной лавки был очень сердит и запретил Слону подходить к ней ближе, чем на 100 километров. И самую большую чашку он Слону тоже не дал. Потому, что в посудной лавке самой большой чашки уже не было – она тоже разбилась вместе с остальной посудой.

И печальный Слон пошел прочь от посудной лавки, с грустью размышляя, что придется ему теперь пить по утрам не горячий чай, а холодную воду, и не из чашки, а хоботом из озера.

Грустный Слон гулял по Африке. И был он один-одинешенек, потому что все-все – птицы, звери, бабочки, жуки, ящерицы, черепахи, змеи и лягушки еще издали услышав его громовые шаги, разбежались и прятались кто куда.

Даже рыбы, и те уплывали в глубину, потому что на озере или на реке от слоновьего топота начинался настоящий шторм!

И даже ничего не боящиеся страшные зубастые крокодилы тоже на всякий случай ныряли в мутные воды Нила.

И Слону было очень грустно, потому что он был совсем-совсем один. Он из-за своего ужасного топота не ведал самого интересного, происходящего в жаркой Африке.

Он не видел, как рано-рано утром в серых-серых сумерках крадется стая бабуинов на поле воровать початки сладкой кукурузы, как пляшут под теплым тропическим дождем

шимпанзе, как в мутном-мутном Ниле электрический сом заряжает свои батареи, как раскрывает свою огромную пасть зевающий бегемот; он не слышал, как под водой поют шпорцевые лягушки, и как обучает азбуке своих птенцов краснохвостый попугай Жако.

Ничего этого и еще много чего еще не видел и не слышал большой неуклюжий африканский Слон.

Он очень переживал и изо всех сил старался ходить потише, ступая на цыпочках, но у него ничего не получалось, — земля по-прежнему ходила ходуном.

Тогда печальный слон пошел к Птице-Секретарю, чтобы они записала его на прием к фельдшеру Мартышке, которая, как известно, обучалась лекарскому мастерству у самого Айболита, когда тот в свое время путешествовал по Африке. Но Мартышка у Айболита научилась только ставить градусники, и давать касторку. Выслушав Слона она посоветовала ему не ходить по земле, а все время плавать в озере или реке — на манер бегемота, тогда и землетрясения от его шагов не случится, потому, что он к земле прикасаться не будет и трясти ее больше не сможет.

Слон очень любил купаться, но все время плавать в воде ему хотелось, а поэтому он продолжал в одиночестве грустно бродить по жаркой Африке, сотрясая своим топотом весь материк.

Так он гулял-гулял, пока не набрел случайно на свинью-Бородавочника. Эта свинья занималась тем, что масте-

рила очень хорошие подушки, тюфяки, матрасы и теплые одеяла (напрасно вы думаете, что одеяла в Африке не нужны – там по ночам бывает очень прохладно!).

Бородавочник был единственным обитателем Африки, кто не слышал приближения Слона, потому что он спал на горе мягких матрасов и тюфяков, которые только плавно колыхались от слоновьих шагов и лишь убаюкивали хозяина мастерской.

Слон очень удивился, что Бородавочник крепко спит и совсем не слышит его шагов.

Слон разбудил Бородавочника и рассказал ему о своем горе.

Бородавочник протер свои маленькие свиные глазки, слез с горы тюфяков и матрасов, снял мерку с каждой слоновьей ноги и сказал Слону, чтобы он пришел через неделю.

Слон, громыхая на всю Африку, удалился.

А Бородавочник принялся за работу.

Когда Слон ровно через неделю пришел к мастерской Бородавочника, то застал его не спящим на тюфяках, а ждущем Слона на пороге.

За эту неделю Бородавочник сшил на каждую слоновью ногу по очень прочной и очень мягкой подушке. У каждой подушки были ремешки, которыми Бородавочник и прикрепил эти подушки к слоновьим ногам.

– Попробуй-ка, пройдишь в них, – сказал Бородавочник Слону.

Слон медленно обошел вокруг мастерской Бородавочника.

И, о чудо!

Ни один камень не скатился вниз с ближайшей горы, ни одно дерево не закачалось, и даже ни один лепесток не упал с цветка!

Слон поблагодарил Бородавочника и пошел гулять по жаркой Африке. И хотя он был такой же огромный, но, благодаря чудесным подушкам, он совершенно бесшумно шел и по густому лесу, и по саванне и по горным каменистым тропам, и по песчаной пустыни.

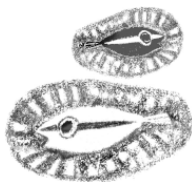
Теперь, благодаря своему бесшумному ходу, он смог услышать, как тихонько попискивают вылупляющиеся из яиц крокодильчики, как раннем утром бормочет, досматривая сон, мартышка, как лопается почка, выпуская на свет цветок мимозы. Он смог увидеть как хамелеон, забавы ради, думая, что на него никто не смотрит мгновенно меняет цвет своего тела с зеленого до оранжевого, как безветренным утром паук заканчивает плести свою паутину, как огромная пятнистая кошка беззвучно крадется к стаду антилоп, как ярко-пестрая габонская гадюка меняет свою кожу, и как фиолетовый жираф окапи заморожено смотрит на восход Солнца.

Однажды ранним утром Слон, удостоверившись, что его шаги легки и бесшумны как падающие пушинки, потихоньку приоткрыв дверь, вошел в посудную лавку. При этом ни од-

на даже самая тонкая чашка из китайского фарфора не шелохнулась!

А удивленный хозяин посудной лавки так этому обрадовался, что подарил Слону самую большую, самую красивую фаянсовую чашку для чая.

Почему неоновые рыбки светятся

Дороги существуют везде. Есть дороги и на земле, и под землей (да, да и под землей они тоже есть – именно по ним путешествуют кроты). Есть и водные магистрали.

Любая река – неважно маленькая она или огромная – это настоящая дорога.

А самая большая река в мире, а значит и самый большой водный тракт – это Амазонка.

Давным-давно на Амазонке многочисленные речные обитатели вечно спешили-торопились по своим неотложным делам, при этом каждый водный житель плыл, совершенно не обращая внимания на остальных путников. Поэтому и утром, и днем, и вечером, и даже темной ночью – всегда на Амазонке была сутолока и толчея.

То огромная Анаконда заснет прямо посередине реки и своим длиннющим телом перегородит всю Амазонку.

То сойдутся два стада – неуклюжих Ламантинов и розовых амазонских Дельфинов и спорят, кто из них важнее, и ни кто не хочет уступить путь-дорогу другому.

То у Кайманов внезапно наступит пора свадеб и зубастые кавалеры поют серенады и баркаролы дни и ночи напролет, плавая туда-сюда и пугая речных путешественников.

То ящерица-Василиск стремительно, словно торпедный катер, пронесется с одного берега на другой и поднимет такую волну, что хоть на берегу спасайся!

А то Сомы – все как один одетые в брони, кольчуги и панцири неожиданно устроят на середине реки военные парады, или, еще хуже – военные учения.

И в результате – гигантский затор!

Только одной маленькой рыбке-Клинобрюшке все нипочем – ведь она летать умеет! Вспорхнет Клинобрюшка из воды, взмахнет своими плавничками, и с жужжанием перелетит и через спящую Анаконду, и через спорящих с Дельфинами Ламантинов, и через поющих Кайманов, и через воинственных Броняковых, Кольчужных и Панцирных Сомов, и через бегущего по воде Василиска.

Зато всем остальным речным обитателям приходится ждать, когда же путь, наконец, освободится.

– Что за времена настали! Невозможно проплыть по Амазонке! Безобразие! – Ворчала старая гигантская рыба Арапаима.

И вот, как-то раз, собрались все-все амазонские обитатели и решили выбрать регулировщика дорожного, вернее речного движения.

Сначала назначили на этот пост Пиранию. И она при по-

мощи своих острых зубов действительно навела такой порядок, что через несколько дней водная дорога и вовсе опустела – все забились в заводи, под камни и коряги, зализывая, залечивая и врачуя многочисленные раны.

Пробовали назначать в регулировщики других. Но никто долго не задерживался на этой должности.

Огромный, неуклюжий Скат-Хвостокл своими плавниками-лопастями не регулировал, а наоборот перегораживал движение; лягушка Пипа Суринамская все время отвлекалась на свое многочисленное потомство; водяная черепаха Мата-Мата все время дремала. А красивая рыбка Скалярия настолько сливалась с подводной растительностью, что этого регулировщика просто никто не замечал.

И когда речные обитатели Амазонки поняли, что выбрать толкового речного распорядителя движения они не в состоянии, кто-то вспомнил про Электрического Угря, который славился не только тем, что он был электрическим, но еще и тем, что он был очень мудрым.

Жил Электрический Угорь отшельником, в тихой протоке, в подводной пещере.

Послали к нему гонца – самую быстроходную рыбу – Золотого Дорадо.

И вот через некоторое время приплыл на всеамазонское сборище Электрический Угорь.

Увидели амазонские обитатели Электрического Угря и все разом попытались объяснить ему всеобщую беду-кручи-

ну.

Долго внимал им Электрический Угорь, а затем сам начал говорить. Но толпа так шумела, так кричала, что никто не слышал мудрое, доброе слово Угря.

Но как вы помните, этот Угорь был не только очень умным, но еще и электрическим. Поэтому он разрядил свои мощные электрические батареи в скопище галдящих речных обитателей. И наступила тишина.

– Добрым словом и электрическим током можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом, – подумал Электрический Угорь, а вслух произнес:

– Надо сделать светофор. В моей протоке живут две рыбки. Одна называется Красный Неон, вторая – Голубой Неон. Пусть самая быстрая рыба Амазонки – Золотой Дорадо сплавляет за ними.

И гонец скоро вернулся с двумя маленькими рыбками – Красным Неоном и Голубым Неоном.

– Когда на середине Амазонки будет плавать Красный Неон, – произнес Электрический Угорь, – все путешественники должны останавливаться. А когда поплывет Голубой Неон – то все могут двигаться.

– Но они очень маленькие и их разглядишь, разве только вблизи, – робко возразил один близорукий розовый Дельфин.

– Я сделаю так, что этих маленьких рыбок вы увидите издали, – произнес Электрический Угорь и слегка коснулся

своими плавниками обоих неонов. И одна из рыбок засияла-засверкала голубым светом, а другая – красным.

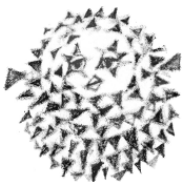
– Теперь каждый из вас будет видеть их свет. А время от времени я буду их заряжать от своих электрических батарей, – произнес Электрический Угорь.

С тех пор на Амазонке все плавают по установленным речным правилам, внимательно следя, какой свет сейчас горит на дороге – голубой или красный.

А того кто, нарушает правила речного движения мгновенно догоняет самая быстрая рыба Амазонки – Золотой Дорадо и ведет провинившегося к Электрическому Угрю, либо к его помощнице – Пиранье. Для внушения.

Правда, один раз в год, целые сутки горит свет только Красного Неона. В это время все движение по реке останавливается, потому что Броняковые, Кольчужные и Панцирные сомы устраивают свои знаменитые военные парады, посмотреть на которые приплывают все жители Амазонки, живущие даже на самых дальних ее притоках.

Почему рыба-шар может надуваться

В море, в коралловом лесу плавала маленькая рыбка Нефела. У нее было короткое тельце и короткие плавнички.

Среди коралловых зарослей жили и ее родственники – Рыба-Собака, Рыба-Кубик и Рыба-Еж. И каждая из них была чем-нибудь знаменита.

У Рыбы-Собаки, например, были огромные зубы, и она была очень свирепая.

Рыба-Кубик действительно была похожа на кубик и играла в казино. Точнее, ее использовали как игральную кость.

Ну, а про Рыбу-Ежа и говорить нечего – все его тело было покрыто длинными острыми иглами.

А у Нефелы же никаких таких достоинств не было.

Ее благополучные родственники опекали Нефелу и советовали ей, как преуспеть в нелегкой подводной жизни.

– Научись лаять – и ты сможешь найти себе теплое и кормное местечко; например, быть сторожем у входа в пещеру Мурены, – предлагала Рыба-Собака.

– Измени свою фигуру, и ты будешь вращаться в высшем

обществе, – рекомендовала Рыба-Кубик.

– Ерунда все это! – говорила Рыба-Ёж. – Пойди к косметологу – и пусть он нарастит тебе такие же колючки как у меня. И никто тебе не будет страшен.

Но Нефела не хотела ни работать в казино игральной костью, ни сторожить вход в пещеру Мурены, ни отращивать иголки. Она хотела летать.

Нефела, качаясь на волнах, с завистью смотрела, как парят на своих длиннющих крыльях альбатросы, как изящно скользят над водой чайки, и какие сногшибательные выражи закладывают черные фрегаты. Она, подплыв к самому берегу, с грустью наблюдала, как легко, словно разноцветные лепестки трепещут в воздухе чудесные бабочки, как гонятся друг за другом, сверкая хрустальными крылышками, легкие стрекозы.

Однажды Нефела встретила стайку длинных стройных рыбок. Они, разогнавшись в воде, выскакивали на поверхность, отрывались от волн, расправляли свои длинные плавники и летели, летели, как птицы!

– Летучие Рыбки, – обратилась к ним Нефела, – научите меня порхать над морем.

Летучие Рыбки посмотрели на Нефелу и покачали головами.

– Ты слишком толстенькая, – сказала одна летучая рыбка.

– И потом, у тебя слишком короткие и слабые плавнички, – добавила другая.

– Худей, тренируйся, и может быть, ты полетишь, – посоветовала третья.

Нефела перестала есть, и начала усиленно заниматься физкультурой.

От изнурительных упражнений она настолько ослабла, что не только летать не научилась, но даже плавать ей удавалось с трудом. Нефела прекратила голодать и снова начала грустить.

Однажды она увидела как над морем легко и свободно парит красный надувной воздушный Шарик.

– У него нет крыльев, он толстенький, а летает! Может мне, наоборот, надо побольше есть, и тогда я округлюсь и взлечу как этот Шарик?

И Нефела стала усиленно питаться. Она поправилась, у нее появились пухлые щечки, но шариком так и не стала.

Узнав, что она хочет стать шариком к ней подплыла Рыба-Еж и спросила:

– Хочешь быть такой круглой как я?

– Да, – ответила Нефела. – Только у меня ничего не получается. Все ем и ем, щеки потолстели, а сама никак не округлюсь.

– А ты много не ешь, – посоветовала ей Рыба-Еж. – Ты много пей. Глотай воду. И раздуешься, как я.

Нефела так и сделала.

Сначала у нее ничего не получалась – морская вода оказалась горько-соленой и много ее Нефела выпить не смогла.

Но день ото дня она выпивала все больше и больше воды и, однажды она действительно округлилась настолько, что стала похожа на шарик.

Нефела попробовала взлететь, но оказалась, что от проглоченной воды она так отяжелела, что не смогла даже чуть-чуть выпрыгнуть над волной.

Она посмотрела на кружащихся в небе стрижей и так горько разрыдалась, что вся вода, которую она выпила, вытекла из нее вместе со слезами. Нефела, подняв голову над поверхностью, продолжала хныкать, не замечая, что она вместо воды стала глотать воздух и снова раздуваться. А так как воздух гораздо легче воды, Нефела неожиданно для себя медленно взмыла вверх.

Легкий ветерок подхватил ее, и она неспешно заскользила над самыми волнами.

– Я лечу, лечу! – восторженно закричала Нефела, но в это время воздух вышел из ее тельца, оно сдулось, и рыбка плюхнулась в море. Но теперь она знала что делать. Нефела снова начала глотать воздух, снова превратилась в шарик и, на этот раз плотно сжав губы, вновь полетела.

– Не верим своим глазам! – восторженно кричали проносящиеся внизу, над самыми волнами летучие рыбки.

– Полетим со мной в кругосветное путешествие! – приглашал ее длиннокрылый альбатрос.

– Давай лучше играть в салочки, – голосили чайки и фрегаты.

– Самая лучшая игра – это водное поло, – возражали им дельфины и морские котики – Присоединяйся к нам!

* * *

В родном коралловом лесу Нефела никому не сказала о своих успехах. Но раз в месяц она, всплыв на поверхность, стала улетать к своим приятелям – дельфинам и морским котикам поиграть с ними в водное поло. Дельфины и морские котики были достойными противниками, и каждый их спортивный поединок был очень азартным. Но в этой игре всегда выигрывала Нефела, так именно она была мячом!

Но ученые, несмотря на это, все-таки называли ее не Рыбой-Мячом, а Рыбой-Шаром.

Почему инфузория видна только в микроскоп

Давным-давно в Древнем Океане жила-была Инфузория. Была она большая-пребольшая, такая огромная, что однажды даже пыталась проглотить Кита. Но Кит для Инфузории все же оказался великоват и она его выплюнула. И тогда Инфузория стала охотиться на дельфинов.

Стали дельфины думать, как им избежать этой напасти. И вот один мудрый дельфин, которого звали Гринда, вспомнил, что на далеком острове живет морской старец – волшебник Протей. И этот Протей может исполнить любое желание.

– Ура! – обрадовались дельфины. – Мы попросим Протея, чтобы он сделал Инфузорию поменьше ростом. И тогда она не сможет проглотить никого из нас.

– Но дело в том, – добавил мудрый дельфин Гринда, – что Протей исполняет желание только того, кто сможет его побороть.

– Ну, это легко сделать, – заулыбались дельфины. – Ведь

Протей, как ты сам сказал – это старец. А со старцем каждый справится.

– Так-то оно так, – ответил мудрый дельфин Гринда. – Да не совсем так. Дело в том, что Протей может менять свой облик – он способен превращаться в различных чудовищ. Поэтому победить его будет нелегко.

– Что же нам делать? – загрузили дельфины. – Кто нам поможет?

– Пожалуй, я знаю кто, – сказал мудрый дельфин Гринда.

– Кто?

– Кит!

И все дельфины поплыли к Кита.

Кит мирно спал на поверхности моря.

– Кит, а Кит, – разбудили его дельфины – пожалуйста, поплыви к далекому острову, попроси Протея, чтобы он сделал Инфузорию поменьше. А то она нас ловит!

– Вот еще, – отвечал, открывая один глаз, ленивый кит. – Мне-то какое до вас дело? Меня-то она съесть не сможет. А вы с Протеем сами договаривайтесь.

– Нам с ним не договориться, – возразил мудрый дельфин Гринда. – Ведь его победить надо. А побороть его можешь только ты.

– Нет, не поплыву я к Протею, – сказал Кит. Плыть к нему далеко, да и бороться мне с ним, честно говоря, неохота. Разбирайтесь-ка с вашим Протеем сами.

– Ах, так! – рассердился дельфин Косатка, – и укусил Кита

за плавник своими острыми зубами.

– Ой, ой! – закричал Кит. – Мне больно, больно! Не надо меня больше кусать! Я поплыву!

– Тогда вперед! – загалдели дельфины.

И Кит, в окружении дельфинов поплыл к Далекому Острову.

Долго ли коротко ли плыли они, и наконец добрались до цели. На берегу острова сидел и дремал маленький щуплый старичок. Это и был Протей. Он выглядел совершенно безобидным и, казалось, каждый сможет его победить.

Кит подплыл к самому берегу и сказал:

– Здравствуй, Протей!

– Здравствуй и ты, Кит, – ответил Протей.

– Пожалуйста, выполни мою просьбу, Протей!

– Какую?

– Сделай так, чтобы Инфузория стала поменьше. А то она моих родственников-дельфинов ловит и ест.

– Изволь, – ответил Протей – Но для того, чтобы я выполнил твою просьбу, ты должен победить меня в схватке.

– Знаю, – согласился Кит. – Давай бороться.

– Давай, – сказал Протей и тотчас превратился в огромного Морского Змея.

Кит, увидев Морского Змея, не испугался, а разогнавшись в воде, выпрыгнул на берег и упал на Протея.

И хотя Морской Змей был огромный, но все же, Кит был гораздо больше и Протей ничего не мог с ним сделать, и толь-

ко беспомощно извивался под китовой тушей.

Тогда Протей превратился в Гигантского Спрута и попытался своими толстыми, как стволы дуба щупальцами, задушить Кита. Но и тут у него ничего не получилось – Кит был огромен как айсберг и протеевы щупальца не причиняли ему вреда.

Тогда Протей превратился в Огонь. Но и тут у него ничего не вышло – под Кита не проникал воздух, а огонь без воздуха быстро гаснет.

И Протей превратился в Молнию.

Но огромного Кита электрические разряды только щеко-тали и он начал громко смеяться.

Услышал смех Кита, Протей понял, что такого противни-ка ему не победить и стал просить пощады.

Но, вот беда! Хохочущий Кит не слышал слов Протея!

– Кит! – кричал несчастный старец, прижатый китовым телом. – Я исполню твое желание. Только отпусти! Исполню два твоих желания! Три! Четыре! Только отпусти!

Наконец Кит его услышал. Он освободил пленника и сполз в море.

А Протей исполнил желание Кита, и Инфузория стала меньше.

Она уже не могла глотать дельфинов и стала гоняться за более мелкой добычей – за тунцами.

И хотя тунцы быстро плавали, они никак не могли ускользнуть от прожорливой Инфузории.

Собрались тунцы все вместе и стали думать, что же им делать, как спастись от безжалостной хищницы.

Ничего они не придумали и поплыли к мудрому дельфину Гринде. И мудрый дельфин Гринда посоветовал им отправиться к Далекому Острову и просить старца Протея, чтобы он еще раз уменьшил Инфузорию.

– Только не забудьте сказать, – добавил мудрый дельфин Гринда, – что это не ваша просьба, а просьба самого Кита.

Приплыли Тунцы к Далекому Острову. На его берегу по-прежнему сидел и грелся на солнышке морской старец Протей.

– Здравствуй, Протей! – сказали тунцы.

– И вы здравствуйте, – ответил старец.

– Протей, сделай, пожалуйста, так, чтобы Инфузория стала поменьше. А то житья он нее совсем нет, – попросили тунцы.

– Я выполню вашу просьбу, тунцы, но только в том случае, если вы сможете меня победить!

Опечалились они. Но тут один тунец вспомнил слова мудрого дельфина Гринды и сказал:

– Вообще-то это не наша просьба. Мы просто вестники.

– А чье же это желание?

– Это желание Кита.

При упоминании Кита Протей вздрогнул и пробурчал:

– Это другое дело. Исполню его просьбу – я ведь ему обещал. Я уменьшу Инфузорию еще раз.

И Инфузория, действительно, стала еще меньше. Теперь она не могла охотиться на тунцов, и стала питаться мелкой рыбешкой – анчоусами.

Собрались все анчоусы и стали думать, как жить дальше.

– Все нас обижают – и морские птицы, и дельфины, и тунцы и кальмары. А тут еще новая беда – ненасытная Инфузория. Надо что-то делать, а то мы все погибнем! – сетовали анчоусы.

– Давайте спросим совета у тунцов, – предложила одна рыбка.

– У тунцов?! Они же нам ничего не посоветуют. Они просто нас съедят, и посоветовать не успеют!

– А мыждемся, когда они будут сытые и спросим.

Анчоусы улучили такой момент и подплыли к тунцам.

Тунцы были не одни. Они беседовали с дельфинами и благодарили Гринду за мудрый совет.

– Здравствуйте, тунцы и дельфины, – сказали анчоусы.

– Здравствуйте, маленькие, жирненькие, вкусненькие анчоусы, – ответили тунцы и дельфины. – Вовремя же вы пожаловали – мы только что пообедали. Так что смело говорите, зачем приплыли – мы вас не тронем.

– Помогите нам спастись от ужасной Инфузории. Изводит она наше племя – пожаловались анчоусы.

– Вот еще! – воскликнули тунцы и дельфины. – Не наше дело помогать каким-то мелким рыбешкам!

– Погодите, – прервал их мудрый дельфин Гринда. – Тут

дело серьезное. Им надо помочь.

– Серьезное? – засмеялись тунцы и дельфины. – Какое серьезное дело может быть у анчоусов?

– А вот какое. Когда Инфузория всех анчоусов съест, чем мы с вами питаться будем? Об этом вы подумали?

– Не подумали, – честно признались тунцы и дельфины.

– То-то же, – сказал мудрый дельфин Гринда и посоветовал анчоусам плыть к Далекому Острову и просить помощи у старца Протея. Только обязательно передать, что это просьба самого Кита.

Так Анчоусы и сделали.

Приплыли они к Далекому Острову, нашли на берегу отдыхающего морского старца Протея и попросили его сделать Инфузорию еще меньше.

– А знаете ли вы, маленькие анчоусы, – сказал, с усмешкой глядя на рыбок Протей, – что для того, чтобы я выполнил вашу просьбу, вы должны меня победить. А это вам вряд ли удастся!

– А это не наша просьба, – ответили анчоусы.

– А чья же?

– Тунцов и дельфинов, – пропищал самый маленький и самый глупенький анчоус.

– Тунцам и дельфинам я никакого обещания не давал, – произнес, зевая и закрывая глаза Протей. – Так что плывите себе обратно!

Другие рыбки отпихнули от берега самого маленького и

самого глупенького анчоуса и сказали:

– Не слушай этого малька, Протей. Он не ведает что говорит. Это просьба самого Кита!

Протей, услышав имя Кита, вздрогнул, открыл глаза и недовольно пробурчал:

– Ну, это меняет дело. Просьбу Кита я обещал выполнить. Я уменьшу Инфузорию.

И Инфузория, действительно, стала еще меньше. Она теперь не смогла проглотить даже анчоуса-малька, и стала питаться мелкими рачками-калянусами, скачущими в толще воды.

– Что нам делать, что нам делать! – заволновались калянусы, мало того, что нас ловят все – и громадный Кит, и маленький анчоус и сидящая на дне актиния и парящая в воде медуза и еще множество других морских обитателей! А тут еще объявилась прожорливая Инфузория! Что же нам делать, как избежать этого несчастья?

– А я знаю что делать, – сказал один крошечный Калянус – Я был у Далекого Острова и когда Кит боролся с морским старцем Протеем, и когда к нему приплывали Тунцы, и когда к нему приплывали Анчоусы. Все это время я там был и все видел. И еще я знаю, что Протей обещал Кита выполнить четыре его желания, а выполнил пока всего три! Так что надо нам всем плыть к далекому острову, на котором живет Протей.

Долго-долго плыли маленькие калянусы к Далекому Ост-

рову и, наконец, добрались до него. Там, на берегу по-прежнему дремал морской старец Протей.

– Здравствуй, Протей! – изо всех сил закричал крошечный Калянус.

Но голос у него был таким тихим, что Протей его не слышал.

– Давайте все вместе, – предложил крошечный Калянус своим родичам.

– Здравствуй, Протей! – закричали все калянусы разом. Протей удивленно открыл глаза.

– Кто меня зовет?! Я никого не вижу!

– Это мы, калянусы! – хором отвечали ему рачки, – а не видишь ты нас, потому что мы очень маленькие.

Протей пошарил под камнем, достал оттуда очки, нацепил их на нос, и, наконец, разглядел множество мелких существ, плавающих у самой поверхности.

– И что же вам надо маленькие калянусы?

– Мы принесли тебе последнее желание Кита.

– Кита? – встрепнулся Протей, – действительно я ему обещал выполнить четыре его желания. Три я исполнил, осталось одно. Говорите, что он на это раз просил.

– Он просил, что бы ты уменьшил размеры Инфузории.

– Далась же вам всем эта Инфузория! Хорошо, я сделаю ее такой маленькой, что ее никто не увидит. Разве что в микроскоп.

С тех пор Инфузория действительно видна только в мик-

роскоп. И питается она теперь не так как прежде – дельфинами, тунцами, анчоусами и калянусами. Сейчас она может проглотить только бактерию.

Ну, а кто за бактерию заступится? И, кстати, все обещанное Киту, Протея уже выполнил.

Почему у Галиотиса раковина в дырках

Много на дне морском удивительных улиток. Кого только среди них не встретишь: здесь и Гребень Венеры, и Рог Тритона, и Пеликанья Нога, и Чертова Лапа, и Язык Фламинго, и Конус, и Волчок, и Блюдечко, и Морское Ушко.

Улитку Морское Ушко еще называют Галиотисом. У каждой улитки есть крепкая раковина, куда моллюск прячет свое мягкое тело. Имеется такая раковина и у Галиотиса. Но только у него раковина продырявлена. Почему? Сейчас узнаете.

Итак, жил-был Галиотис. Вы бы никогда не заметили его на морском дне потому, что сверху раковина этой улитки была серая и совсем неказистая. Ничем снаружи не примечательный домик Галиотиса изнутри выглядел настоящим дворцом с перламутровыми стенами. Их Галиотис каждый день тщательно вылизывал своим шершавым, как наждак, язычком, поэтому стены сияли чудесным радужным блеском. Кроме того, Галиотис в своем прочном уютном домике выращивал очень красивые разноцветные жемчужины.

Галиотис был мирным, робким отшельником, настолько боязливым, что боялся даже выглядывать из-под своей раковины. Моллюск медленно ползал по большому камню, не торопясь поедая водоросли. Ему было очень любопытно, что делается там, снаружи, за стенами его убежища, но высунуться и осмотреться вокруг Галиотис никак не решался.

Однажды его одиночество было нарушено: в страшную непогоду, в жестокий шторм в раковину к Галиотису заполз усталый и продрогший крохотный круглый крабик. Поэтому и имя у него было – Краб-Горошинка. Крабик был такой маленький и такой беззащитный, что Галиотис, не раздумывая, приютил его.

Горошинка оказался хорошим товарищем; он помогал хозяину поддерживать чистоту в перламутровом домике, а кроме того он очень бережно ухаживал за жемчужинами.

Крабик иногда выбирался из дома моллюска, и рассказывал Галиотису, что происходит в окрестностях. Он поведал Галиотису много удивительного, и все уговаривал моллюска хоть чуть-чуть приподнять раковину и выглянуть наружу. Но опасливый Галиотис наотрез отказывался и только глубже забирался в свою раковину.

Однажды Галиотис услышал громкие красивые звуки, словно кто-то играл на огромной трубе.

– Что это за удивительные звуки? Кто этот неведомый музыкант? – спросил он Краба-Горошинку.

– Выгляни и посмотри сам, – отвечал тот.

– Боюсь!

– Если ты будешь все время таким нерешительным и боязливым, то никогда ничего не узнаешь! – сказал раздосадованный краб.

Галиотис застыдился своей трусости, но все равно из раковины выглянуть не осмелился. А звуки были так прекрасны!

– А ведь я могу посмотреть на этого трубача, не высываясь наружу, – подумал Галиотис, – стоит только изнутри проделать небольшую дырочку в стене моего домика и я смогу видеть все, что творится вокруг.

Решив так Галиотис начал тереть своим шершавым язычком перламутровую стенку своего жилища (а вы, наверное, помните, что язычок у Галиотиса был жестким как наждачная бумага). Работал он так усердно, что вскоре в раковине образовалось маленькое круглое отверстие. Галиотис одним глазком заглянул туда и увидел в вышине, у самой поверхности огромного кита.

– Какой он большой! – воскликнул моллюск.

– Это кит-горбач, – откликнулся Краб-Горошинка, – самый лучший музыкант среди всех китов.

Через день снаружи послышался барабанный бой. Галиотис устремился к окошку в своей раковине, но ничего не увидел. Для того чтобы рассмотреть неведомого барабанщика ему пришлось проделывать еще одно отверстие в другом конце раковины. Когда оно было готово, моллюск заглянул

туда и обнаружил рядом со своим камнем большую горбатую рыбу.

– Ее так и зовут – Горбыль или Рыба-Барабанщик, – сказал Крабик-Горошинка.

– Уже можно составлять оркестр.

– Погоди, скоро новые музыканты появятся!

И действительно через некоторое время Галиотис услышал чарующие звуки – как будто кто-то играл на арфе. Моллюск прильнул сначала к одной скважине в стенке, а потом ко второй, но так ничего не увидел, потому, что неизвестный музыкант располагался на дне. Галиотису пришлось продырявить раковину еще в одном месте, и только сквозь это отверстие он разглядел лежащую на песке длинную плоскую рыбу. Именно она звенела как арфа.

– Это Морской Язык, родственник камбалы, – пояснил Крабик-Горошинка. – Но камбала бесталанна, а Морской Язык – настоящий виртуоз.

Так день за днем Галиотис знакомился с различными голосистыми морскими обитателями. Правда, для этого ему пришлось сделать в своей раковине целый ряд дырочек, через которые он мог легко рассматривать любых подводных жителей, откуда бы они теперь не появлялись.

Поэтому вскоре он узнал, что дельфин-белуха щебечет как канарейка, что рыба-мичман, прозванная так за красивые золотистые бляшки-пуговицы на своем теле, громко бормочет, что рыба-жаба, которая действительно похожа на

жабу, так оглушительно гудит, что не дает спать по ночам всем морским жителям, что макрель крикает, что ставрида лает, а вот рыба-собака совсем даже не лает, а хрюкает, что рыба-спинорог чирикает, что очень красивый морской петух не только кудахчет, но еще умеет свистеть, ворчать и храпеть, а огромный скат-манта когда, резвясь, выпрыгивает из воды, то падает назад в волны с сильнейшим грохотом.

Галиотис настолько привык к различным звукам, что на слух определял, кто их издает. Но однажды, когда моллюск в своем домике мирно дремал под хруст челюстей рыбы-попугая, которая лакомилась коралловыми веточками, он услышал слабое монотонное жужжание неизвестного животного, словно кто-то негромко напевал на одной ноте.

Галиотис не придавал значения этому звуку, а вот Крабик-Горошинка, любовно протиравший пурпурную жемчужину, сразу насторожился.

– Беда! – сказал он – Слышишь? В наш домик стучится беда!

– Какая беда? – спросил Галиотис зевая. – Кстати, снаружи кто-то просто тихонько царапается, а вовсе не стучится. Нам-то какое дело? Раковина моего домика очень прочная!

– К нам пробирается непрошенный гость – улитка Устричное Сверло, – настаивал Краб. Она просверливает раковину моллюска и через эту дырочку поедает хозяина.

– Что же делать? Куда бежать? – заволновался Галиотис. – Впрочем, я не то чтобы бежать, но даже и ползать быстро не

умею!

– Даже если бы ты мог быстро ползать, сейчас это не могло бы – Устричное Сверло уже плотно присосалось к твоей раковине.

– Что же делать? – повторил испуганный моллюск.

Крабик-Горошинка ничего не ответил и заторопился к выходу. Обернувшись, он крикнул Галиотису: – Берегу уши!

– Убежал, – с грустью подумал Галиотис, прислушиваясь к негромкому монотонному пению Устричного Сверла. – Покинул друга в трудную минуту! И причем здесь мои уши, хотел бы я знать?

Вдруг снаружи послышалась пушечная канонада, настолько громкая, что Галиотис тут же оглох.

Когда грохот стих, Галиотис посмотрел в одно из своих окошек, и обнаружил, что на дне рядом с его домиком стоят и о чем-то беседуют Краб-Горошина и креветка. У этой креветки одна клешня была нормальная, а другая преогромная.

А еще Галиотис увидел небольшую улитку, удиравшую прочь так быстро, как только может удирать улитка.

– Это Устричное Сверло убегает, – догадался Галиотис.

Краб Горошинка и странная креветка закончили разговор, приветливо помахали друг другу клешнями и разошлись. Креветка поползла к ближайшему коралловому кусту, а Краб-Горошинка направился в домик к Галиотису.

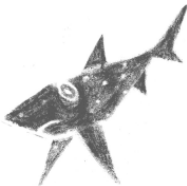
Забравшись в раковину, крабик принялся было рассказывать, о том, что произошло, но оглохший Галиотис ничего

не слышал. Только через час к нему вернулся слух и Краб-Горошинка наконец поведал, кто их спас.

Оказывается спасителя, далекого родственника Краба-Горошинки, звали Креветкой-Щелкуном. Своей огромной клешней она так громко щелкала, что любой враг тут же убегал прочь. Именно от этих громовых звуков сам Галиотис потерял слух, а Устричное Сверло, до смерти напуганное, еле унесло ноги.

С тех пор Галиотис живет на своем камне спокойно, без опаски рассматривая морских обитателей через многочисленные отверстия в своей раковине. По-прежнему живет с ним и Краб-Горошина. Иногда в гости к ним приползает сосед – Креветка-Щелкун – полюбоваться на сияющие перламутровые стены их жилища и на чудесные разноцветные жемчужины.

Почему акулы никогда не останавливаются

Эта история произошла очень давно.

В пещерке кораллового рифа жил-был Акуленок. Он был такой маленький, что боялся почти всех остальных рыб, особенно зубастых барракуд.

Акуленок из своего безопасного укрытия наблюдал, как мимо него ежедневно проплывают диковинные морские обитатели: рыбы-мечи и рыбы-сабли, рыбы-пилы и рыбы-молоты, рыбы-флейты и рыбы-свистульки, морские свиньи и морские коровы, и даже морские ангелы и морские дьяволы.

Однажды, ярким днем вдруг померк свет. Акуленок высунулся из своего кораллового домика и обнаружил, что солнце загораживает огромная черепаха, неподвижно лежащая на поверхности океана.

Акуленок ждал, что исполинская черепаха уплывет и снова станет светло, но великанша, по-видимому, и не думала двигаться дальше.

Акуленок выглянул из пещерки, задрал голову и закрычал:

– Эй ты! Там, наверху! Хватит отдыхать! Плыви дальше! А то ты мне весь свет застишь!

– Я очень устала, – раздался низкий, словно далекие громовые раскаты, голос. – Пожалуйста, не торопи меня. Я отдохну немного и покину тебя, и твой риф, и этот океан.

– Лентяйка! – воскликнул Акуленок. – Отчего ты так устала? Что ты делаешь?

– Я выполняю самую важную и самую тяжелую работу в этом мире. Пожалуйста, не торопи меня, подожди немного.

– Самую важную работу? – засмеялся Акуленок. – Ты хочешь сказать, что без тебя весь мир рухнет? Что, на тебе весь свет клином сошелся?

– Можно сказать и так. Пожалуйста, не гони меня! – взмолилось черепаха. – Дай мне хоть несколько минут отдыха.

– Плыви прочь, лежебока! Отдохнешь в другой раз! Убейся!

– Хорошо, – со вздохом согласилась черепаха, – я поплыву. Но и ты будешь все время плавать, пока вновь не повстречаешь меня.

С этими словами исполинская черепаха, взмахивая своими огромными лапами, заскользила прочь.

– Что за ерунда! – подумал маленький Акуленок. – С чего это я теперь все время должен плавать? Нет, я по-прежнему буду сидеть в своем уютном и безопасном коралловом

домике.

Но лишь черепаха исчезла из виду, как Акуленок почувствовал, что задыхается. Он стал судорожно глотать воздух, то есть, конечно, воду. Но это не помогло. Тогда Акуленок с испугу рванулся вперед, выскочил из пещерки, и, почувствовав облегчение, остановился. Но в тот же миг новый приступ удушья овладел им.

Акуленок понял, что гигантская черепаха заколдовала его, что теперь он может дышать только тогда, когда движется, то есть когда плывет. И Акуленок устремился на поиски черепахи, чтобы попросить ее снять заклятие.

* * *

Много различных черепах встречал Акуленок в морях и океанах, но это все были другие черепахи, а совсем не та, которую он прогнал.

Он познакомился с Зеленой Суповой Черепахой, названной так потому, что суп, приготовленный из нее, действительно был зеленого цвета. Но суповая черепаха ничем не могла ему помочь.

Акуленок встретился и с Головастой Черепахой. Но и Головастая Черепаха, хотя была очень умной, и очень много знала, ничего не смогла посоветовать Акуленку.

Как-то раз, в открытом океане Акуленок заметил черепаху такую огромную, что решил, что, наконец, нашел ту, ко-

торуую искал. Но он ошибся. Это действительно была самая большая морская кожистая черепаха, но все же размер ее панциря был гораздо меньше, чем у той, которая зачаровала Акуленка.

И, отчаявшись найти ту самую черепаху в морях и океанах, акуленок стал заплывать в реки в надежде встретить ее в пресных водах.

Каких только черепах он там не нашел: и змеиношейных, и бокошейных, и черепах с хоботком на носу и черепах с красными ушами, но нигде, ни в одной реке и ни в одном озере он не встретил черепаху, заколдовавшую его.

Акуленок вернулся в океан, и, продолжая поиски, как-то раз очутился у небольшого пустынного острова. На нем неторопливо пощипывала траву черепаха.

Она была такая огромная, что ее панцирь напоминал высокий холм.

– Черепаха, черепаха! – закричал Акуленок, высунув из воды голову, – прости меня, пожалуйста. Мне надоело скитаться по миру. Я хочу все время жить на одном месте, в моем коралловом домике.

– Бедный Акуленок! – сказала огромная Сухопутная Черепаха, – ты ошибся, я не волшебница, не я наложила на тебя заклятие.

– А кто же?

– Ты обидел Великую Черепаху А-Туина, которая выполняет самую тяжелую работу – она несет на своем панцире

весь наш мир, со всеми материками и океанами, островами, горами, реками и озерами. Раз в тысячу лет А-Туин всего один час отдыхает от своего тяжелого труда. К твоему несчастью, в это самое время ты, по неведению, попрекнул ее. Поэтому тебе придется еще долго ждать, пока ты снова повстречаешься с А-Туином. Терпи, надейся и плыви дальше.

* * *

Прошло много времени, Акуленок вырос и превратился в огромную акулу, такую большую, что ее боялись не только все остальные рыбы, но и тюлени, дельфины и даже киты.

Она за свою долгую жизнь сотни раз обогнула весь земной шар в поисках Великой Черепахи, но так и не встретила ее.

С тех пор все потомки той акулы без отдыха плавают по морям и океанам в надежде, когда-нибудь встретить А-Туина, и тогда эта самая главная в мире черепаха снимет со всего акульего племени заклятие, и оно, наконец, обретет покой.

Почему листолаз такой яркий

Однажды по Южной Америке гуляла Черепаха. Она гуляла просто так, ничего плохого никому не делая. И вдруг на нее ни с того, ни с сего, из засады набросился Оцелот. Это был молодой и поэтому очень глупый Оцелот, так как каждый взрослый южноамериканский пятнистый кот хорошо знает, что нападать на Черепах – бесполезное дело.

Так и случилось. Черепаха мгновенно втянула голову и все четыре лапы под панцирь, а расстроенный Оцелот побрел прочь.

– Как хорошо, что у меня всегда при себе есть надежное убежище. Если бы не мой замечательный панцирь, пожалуй, плохо мне пришлось бы! Интересно знать, а как другие животные спасаются от врагов?

С этими мыслями Черепаха неторопливо поползла дальше.

– Смотри-ка, – сказала сама себе Черепаха, увидев переползающую через лесную тропу улитку, – не только у меня

с собой такая крепкая броня, спасающая от бед. Раковина улитки тоже хорошая защита.

– Поосторожней, – произнес вдруг кто-то скрипучим голосом, когда Черепаха проползала мимо куста.

– Кто здесь? – спросила Черепаха, оглядывая куст. Но никого не увидела. – Где же ты?

– Ты на меня смотришь.

– Все равно не вижу!

– Смотри внимательно!

И вдруг одна из веточек прямо перед носом Черепахи зашевелилась и превратилась в длинное насекомое с тонкими ножками.

– Ой! – воскликнула Черепаха. – Ты словно привидение появляешься ниоткуда!

– Я Палочник-Привидение. Меня называют так потому, что я очень похож на сухую палочку или на сухой сучок, особенно когда я неподвижен. Вот и получается, что раз меня не видят, значит и меня нет! А на самом деле – я есть! Поэтому мне никто не страшен.

– Хорошая защита, – согласилась Черепаха. – А кто еще может так же умело прятаться и ты?

– Еще один мастер маскировки здесь рядом, – ответил Палочник. – Правда, не такой, хороший, как я, – самодовольно добавило насекомое, – но таланты, у него, несомненно, есть.

– И где же он? Этот, талантливый? – спросила Черепаха.

– Да вот же! – и Палочник кивнул на соседний листик.

– Никого не вижу, – сказала Черепаха. – Он что, за листком прячется?

– А ты попробуй, дунь на этот листик, – со смешком произнес Палочник и, замерев, исчез.

Черепаха дунула.

«Листик» зашевелился и оказался плоским зеленым кузнечиком. Он возмущенно чихнул, прыгнул, перелетел на другой куст. Там, замерев и сложив крылья, кузнечик снова превратился в листик.

– Здорово! – восхитилась Черепаха. – А еще кто-нибудь такой же есть?

– Есть, – ответил Палочник, возникая вновь. – Рядом с тобой.

– Где?

– Неужели никого не видишь?

– Никого!

– Между прочим, рядом с тобой на стволе дерева сидит самая большая бабочка мира. Агриппина, вылетай!

Казалось, ожил огромный кусок коры: это гигантская бабочка расправила свои серые с муаровыми прожилками крылья и полетела.

Черепаха, хотя и знала, что все бабочки безобидны, невольно спрятала голову под панцирь, когда исполинская Агриппина стала кружить над ней. Но это длилось недолго. Бабочка, неторопливо взмахивая огромными крыльями, перелетела на ствол соседнего дерева, сложила их и словно ис-

чезла – слилась с корой.

– Чудеса! – восхитилась Черепаха.

– Да весь лес – это замаскированные или спрятавшиеся животные, – пояснил Палочник. – Те, кто в кронах деревьев прячутся – те зеленые. Видишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.